

Когда Су Чэ вернулся в зону изоляции, лагерь было не узнать.

Конная гвардия Ван Цзина, подобно черной гранитной скале, плотно окружила перепуганную толпу. Клинки, обнаженные лишь наполовину, тускло поблескивали в холодном свете дня, безмолвно подавляя любые попытки к бегству или бунту. Солдаты конвоя, прежде привыкшие бесчинствовать, теперь жались по углам, словно перепелки, ожидая своей участи.

Воздух стал тяжелее от страха, смешанного с едким запахом горящей полыни и мыльных бобов.

Цинь Фэн действовал быстро, исполняя распоряжения, данные Су Чэ в шатре. Заболевших принудительно перенесли в одиноко стоящую ветхую палатку, к которой никто не смел приближаться. Несколько мертвенно-бледных ссыльных под присмотром солдат, угрожавших им оружием, дрожащими руками отмывали кожу водой с древесной золой, обмотав лица грязными лоскутами ткани.

Когда Су Чэ появился, сотни взглядов скрестились на нем. В них читалось всё: надежда, страх, любопытство и глубокое отчаяние.

Командир отряда Ван, спотыкаясь, подбежал к нему, его голос дрожал:

— Б-братец Су, Ванье... что приказал Ванье?

Теперь он отчетливо понимал: жизнь этого юноши напрямую связана с его собственной.

Су Чэ устало прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Он знал, что отныне каждое его слово будет решать судьбы людей.

— Ванье позволил нам попробовать, — ответил он охрипшим, но твердым голосом. — Командир, немедленно прикажите вырыть глубокие ямы выше и ниже по течению от лагеря. Из верхней берем воду, в нижнюю сбрасываем нечистоты, ни в коем случае не путайте. Всю воду для питья кипятить и остужать. Всем без исключения найти мыльные бобы или золу, мыть руки по нескольку раз в день, лица закрыть повязками.

Затем он посмотрел на тех, кто контактировал с больными и теперь дрожал от ужаса:

— Их изолировать отдельно. Наблюдать пять дней. Если не будет жара или сыпи, только тогда вернуть в общий строй.

Командир отряда Ван, не смея перечить, закивал и принялся с криками разгонять солдат и способных двигаться ссыльных.

— И еще, — добавил Су Чэ. — Мне нужно несколько человек, чтобы поискать в округе лекарственные травы.

Несколько ссыльных, которым Су Чэ уже помогал ранее или чьих родных он спас, набрались храбрости и вышли вперед. Среди них Су Чэ узнал отца того юноши со сломанной ногой.

— Благодарю, — негромко сказал Су Чэ и, не теряя времени, повел людей прочесывать окраины лагеря под холодными взглядами гвардейцев.

Северные земли были пустынно, найти травы оказалось непросто. Су Чэ почти ползал по земле, опираясь на память и профессиональные знания, с трудом распознавая выносливые растения. К счастью, ему удалось найти немного дикого шлемника, горькуши и даже небольшой островок упорного корня вайды. Немного, но это была удача.

Он объяснил людям, как правильно собирать растения, сохраняя корни на будущий год, и как отличить их от ядовитых сородичей.

Вернувшись в лагерь, он велел поставить котлы, промыть травы и начать варку. Горький лекарственный аромат разлился в воздухе, смешиваясь с дымом полыни, создавая странное, но успокаивающее сочетание.

— Каждому по пиале в день. Здоровым для профилактики, контактным — двойную дозу, — распорядился Су Чэ, лично контролируя раздачу. Его лицо было бледным, ноги подкашивались от усталости, но взгляд оставался сосредоточенным.

Отвара было мало, поэтому в первую очередь он распределил его среди тех, кто был в зоне риска и заметно ослаб. Никто не спорил: в этой атмосфере безнадежности даже крупица порядка казалась бесценной.

Изоляция, чистота, лекарства — этот комплекс мер, пусть и примитивный, начал приносить плоды. Лагерь постепенно погружался в сдержанный, подавленный порядок. Новые случаи лихорадки прекратились, и даже гвардейцы, наблюдавшие за всем со стороны, немного выдохнули.

Однако Су Чэ не терял бдительности. Он знал, что инкубационный период может быть долгим, и нынешнее затишье — лишь иллюзия. К тому же травы скоро закончатся. Что дальше?

Тем же вечером, когда свирепствовал холодный ветер, Су Чэ свернулся в углу, пытаясь согреться у скудного огня и размышляя о будущем. Командир Ван тайком принес ему лишнее рваное одеяло.

В этот момент послышался цокот копыт. Вернулся Цинь Фэн.

Не слезая с коня, он бросил к ногам Су Чэ небольшой сверток и холодно произнес:

— Награда от Ванъе.

Су Чэ замер. Развернув ткань, он увидел несколько пакетов, бережно завернутых в промасленную бумагу. Это были те самые травы — шлемник и корень вайды — гораздо лучшего качества, чем дикие, и в куда большем количестве! Кроме того, в свертке лежала бутылка крепкого алкоголя и сверток чистой белой ткани.

— Ванъе сказал, — Цинь Фэн смотрел на него сверху вниз, голос его был бесстрастен, — чтобы ты берег свою жизнь. Она пока еще на что-то годится.

Сказав это, он развернул коня и ускакал прочь.

Су Чэ прижимал к себе сверток, не двигаясь с места. Травы источали слабый горький аромат, а крепкий алкоголь был жизненно необходим для дезинфекции.

Ван Цзин Сяо Юй... Он все это время наблюдал? Он видел его усилия и... признал эту полезность?

Это осознание не принесло радости, напротив, внутри стало еще холоднее. Этот Ванъе был подобен искуснейшему игроку, который хладнокровно оценивает полезность фигур, выдает ровно столько ресурсов, сколько нужно для продолжения игры, а затем выбрасывает, когда они становятся бесполезны.

В его глазах Су Чэ ничем не отличался от этих трав или оружия.

Но как бы то ни было, это были средства к спасению.

Су Чэ глубоко вздохнул, подавляя волнение, и поднялся, чтобы рассортировать лекарства. С этим запасом можно было продержаться еще несколько дней.

В последующие два дня, благодаря строгой изоляции и приему лекарств, эпидемию действительно удалось сдержать. Кроме того первого больного, что скончался в мучениях (его тело по приказу гвардейцев сожгли и глубоко закопали), лишь двое других проявили слабые симптомы, но благодаря своевременному вмешательству болезнь отступила.

Тень смерти, нависшая над лагерем, стала прозрачнее. Ссылные смотрели на Су Чэ с благоговением, как на единственную соломинку, удерживающую их над бездной. Даже гвардейцы стали смотреть на него с меньшим презрением, в их взглядах появилось странное, невысказанное любопытство.

Командир Ван и вовсе стал считать Су Чэ своей главной опорой.

Но Су Чэ не расслаблялся. Он знал, что ужасные условия и слабый иммунитет людей все еще представляют огромную угрозу.

На закате третьего дня Цинь Фэн снова приехал верхом и сразу нашел Су Чэ.

— Приказ Ванье: движение колонны приостановить, остаться здесь на пять дней для наблюдения. Все противоэпидемические меры передать под твое руководство. Командир Ван и его люди подчиняются тебе, — он замолчал, глядя на по-прежнему бледное, но удивительно спокойное лицо Су Чэ. — Ванье хочет знать, что тебе еще нужно.

Су Чэ помолчал, понимая, что это и отчет, и проверка. Он четко ответил:

— Благодарю Ванье. Сейчас не хватает трех вещей: во-первых, стабильных поставок лекарств, особенно жаропонижающих; во-вторых, чистой ткани и мыльных бобов для гигиены и повязок; в-третьих, еды. У людей нет сил сопротивляться болезни. Если найдется немного имбиря или чеснока, будет совсем хорошо.

Его просьбы были конкретны и лишены всяких прикрас.

Цинь Фэн кивнул и уехал.

На следующий день прибыл отряд гвардейцев с повозками, доверху груженными травами, тканью, мыльными бобами, мешками зерна с отрубями и даже небольшим запасом сушеного имбиря.

Лагерь ликовал. С этими припасами шансы на выживание возросли многократно.

Су Чэ немедленно организовал раздачу, усилил санитарный контроль и наладил приготовление пищи. В этих экстремальных условиях в лагере воцарился порядок.

Он метался по лагерю, отдавая распоряжения. Несмотря на худобу, в нем чувствовалась огромная сила, а глаза, сосредоточенные на деле, ярко сияли.

На высоком холме неподалеку Сяо Юй наблюдал за происходящим, его черный плащ развевался на ветру. Он смотрел на изменившийся лагерь и на ту самую худую фигуру в центре.

Цинь Фэн, стоявший рядом, тихо произнес:

— Ванье, согласно его методам, эпидемия действительно взята под контроль. Этот человек... его способы просты, но крайне логичны и направлены на профилактику, совсем не похожи на обычных лекарей.

Взгляд Сяо Юя был глубоким, он смотрел на покрасневшее от работы лицо Су Чэ.

— Су Чэ... — негромко повторил он, и в его ледяных глазах промелькнул слабый, едва

уловимый интерес.

— Передай ему, — спустя долгое время негромко сказал Сяо Юй, — если через пять дней не будет новых больных, выступаем. Его кандалы... можно снять.

— Слушаюсь, — поклонился Цинь Фэн.

Холодный ветер пронесся по равнине, кружа сухую траву.

Су Чэ, словно почувствовав что-то, поднял голову и посмотрел на далекий, неясный черный силуэт на холме.

Расстояние было слишком велико, он не мог разглядеть выражения лица того человека.

Но он знал: на шахматной доске, которую так тщательно расставил для него Ван Цзин, он сделал еще один шаг.

Только путь впереди был долгим, а опасность подстерегала на каждом шагу. Это временное затишье было лишь передышкой перед еще более сильным штормом.

Он крепче сжал в руке кусочек имбиря, чувствуя его едва уловимое жгучее тепло.

Выжить.

<http://bllate.org/book/18642/1795438>